

A romantic painting depicting a man and a woman in a classical setting. The man, wearing a dark coat and a red hat, is embracing the woman from behind. The woman is dressed in a long, flowing white gown. They are standing in a courtyard or garden with classical architecture, including a large column and an archway. The background shows a cityscape under a sunset sky. The overall mood is intimate and romantic.

ВАЛЕНТИН КОЛЕСНИКОВ

СИМВОЛ ВЕЧНОСТИ
НОВЕЛЛА

18+

Валентин Колесников

Символ Вечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61229387

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96529-4

Аннотация

...Ты моя ненаглядная Нежность. Ты Застенчивая Любовь. Вот рисует мне Образ твой Вечность, Возникающий в памяти вновь. Вот ресницы твои пушистые обрамляют застенчивый взгляд. А озера-глаза лучистые сквозь века прямо в сердце моём глядят...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	9
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Глава пятая	27
Глава шестая	30
Глава седьмая	35
Глава восьмая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Валентин Колесников

Символ Вечности

Глава первая

После окончания гражданской войны в Риме в 82 году до нашей эры, и победным возвращением Луция Корнелия Суллы в Рим, его соратник в войне и военачальник Марк Лициний Красс, давал пир. Были накрыты на улицах Рима 10000 столов, а дом самого богатого римлянина, коим являлся Марк Лициний Красс, был открыт для посещения всем желающим в том числе и простым жителям Рима.

Солдаты, которыми он командовал в ходе гражданской войны, и особенно отличились в битве у Коллинских ворот, устроили большое пиршество, чтобы отпраздновать это событие происшедшее в начале 82-го года. Они ели и пили без всякого стеснения.

Одни разлеглись на подушках, которые были брошены прямо на улицах возле низких столов, накрытых пунцовыми скатертями. Другие, сидя на корточках, хватали куски мяса из больших блюд, что стояли на столах, источая пряный аромат, исходивший от вареных окороков, и напоминали пир львиной трапезы после удачной охоты.

Рабы метались вокруг насыщавшихся воинов, убирая опу-

стошенную посуду, и тут же ставились новые блюда с мясом и сосуды с вином. Сенат распорядился поставить ложа для пирующих, рабов, бочки с вином, и пир проходил в сытом достатке. Кухни дома Красса явно не хватало. Подсобные помещения были временно оборудованы под склады, а в саду, установлены вертела, где на больших кострах жарили целых быков, для солдат.

Яства менялись, все новые блюда появлялись на столах на смену опустошенных блюд. Тут были, окорока антилоп, и осетрина, приготовленная в особом соусе, рабами из дома Красса под руководством его поваров. Пирамиды, выстроенные из плодов, винограда и фруктов падали от прикосновения жадных рук, пирующих прямо в медовые пироги. Около большого кипариса стояла бочка с вином, и пьяные солдаты никак не могли вынуть деревянную пробку. Один из солдат, огромного роста верзила, пращой ударил по ней, и бочка, дав трещину, пролилась красным вином под одобряющий гогот солдат. Огромная лужа образовалась тут же. Хлюпая по винной грязи, солдаты черпали струю вина, наполняя чаши. Хмелели и орали на своих наречиях песни.

Пришла ночь. Рабы принесли огромные медные чаши на подставках и зажгли нефть. Дрожащее пламя нефти рождало продолговатые отсветы пламени на панцирях. Солдаты хватали бурдюки с греческими винами, амфоры, наполненные вином и пили, напиваясь до полного изнеможения. Многие из них храпели, прислонившись к стволам деревьев сада, и

просто на земле, подложив под голову кулак.

Отсюда с высоты, где стоял дом Красса, была видна панорама Рима и как светлячки, располагались светильники вдоль улиц с накрытыми столами, напоминая живое ожерелье, брошенное великаном на Рим.

По мере того, как солдаты пьянели, они все больше думали о наградах за выигранную войну, и боялись, что Луций Корнелий Сулла не выполнит обещанного. Но это волновало только молодых солдат, старики, же знали, что Сулла не бросал слов на ветер, а заручится поддержкой вверенной Сенатом армии, как нельзя, кстати, вверенной ему, он не откажется в своем стремлении к единовластной диктатуре. Кроме того, брать земли и богатые уголья поверженных врагов, теперь его основная цель в достижении своих планов.

Сулла присудил к смертной казни сорок сенаторов и одна тысяча шестьсот так называемых всадников. Сулла, кажется, первым составил списки приговоренных к смерти и назначил при этом подарки тем, кто их убьет, деньги – кто донесет, наказания – кто приговоренных укроет. Немного спустя он к проскрипированным сенаторам прибавил еще других. Все они, будучи захвачены, неожиданно погибали там, где их настигали, – в домах, в закоулках, в храмах; некоторые в страхе бросились к Сулле и их избивали до смерти у ног его, других оттаскивали от него и топтали. Страх был так велик, что никто из видевших все эти ужасы даже пикнуть не смел. Некоторых постигло изгнание, других - конфискация

имущества. Бежавших из города всюду разыскивали сыщики и, кого хотели, предавали смерти.

Свыше 120 тысяч ветеранов сулланской армии, сражавшихся под его командованием против понтийского царя и в гражданской войне, получили большие земельные участки в Италии и стали владельцами поместий, в которых использовался труд рабов. С этой целью диктатор проводил массовые конфискации земель. Достигались сразу три цели: Сулла расплачивался со своими солдатами, наказывал врагов и создавал опорные пункты своей власти по всей Италии. Если некогда аграрный вопрос использовался как орудие демократии, то в руках Суллы он стал орудием олигархии и личной власти могущественного диктатора.

Командирам своих легионов Луций Корнелий Сулла раздавал денежные суммы, магистратуры и должности в сенате. Многие из них за короткий срок стали богачами. Огромное состояние нажил и римский диктатор. Десять тысяч рабов, принадлежавших жертвам сулланских репрессий, были отпущены на волю и стали называться "Корнелиями" в честь своего освободителя. Эти вольноотпущенники тоже стали сторонниками Суллы. Но это еще будет, и Луций Корнелий Сулла сполна сдержит свое слово, и солдаты будут вознаграждены, а пока пир идет, и празднество продолжалось не только на улицах Рима, но и в более изысканном месте, в доме Корнелия Суллы, с его командующим Марком Лицинием

Крассом...

Глава вторая

Зал дворца Луция Корнелия Суллы, где проходил пир этих знаменитых военачальников, представлял собой инкрустированное розовым мрамором помещение, посередине, которого располагался бассейн. Вода в нем была настолько прозрачна, что свет от светильников, пылающих под потолком, отражался от стен и падал на дно бассейна, от этого казалось, что воды в нем нет. И только, лишь, когда нагая рабыня, для постельных утех, прыгнула в воду, и вода под ее телом возмутилась, обдав брызгами ноги Суллы, Лициний Красс понял, что бассейн полон воды до краев.

– Как она мне надоела, – в сердцах вымолвил Сулла, – пора бы подыскать, что-то взамен.

– А, куда девать эту? – невозмутимо спросил Красс.

– Будто ты не знаешь? Хочешь, забери себе.

– Хоть ты мне и друг, но я не подбираю надоевших рабынь. А хочешь я приготовил тебе не тронутую девственницу. Принцессу Египетского царства. Я уплатил за нее целое состояние, решил преподнести тебе ко дню рождения.

– Так это и есть мой день рождения. Ты же знаешь, какая участь нас ждала бы в случае проигранного сражения там, у Коллинских ворот. Это ты Марк, спас меня, когда мои войска начали отступать.

– Да, дорогой командарм, я спас и себя.

Сулла поднял со своего ложа правую руку с кубком, мгновенно стоявший за спиной в белой тунике раб с амфоры наполнил кубок вином. Красс сам налил себе вина в свою чашу из амфоры, стоявшей у его ног.

– За нашу победу, Марк! – выкрикнул Сулла, и оттолкнул ногой от себя мокрую рабыню, прильнувшую губами к его стопам. Женщина от неожиданности вскрикнула, издав звук раненной косули, и упала в бассейн, забрызгав тунику и лицо Корнелия Суллы.

– Леонид! – выкрикнул раздраженным голосом диктатор, – Убери эту мерзкую гидру с глаз моих долой, или лучше отдай солдатам, пусть позабавятся.

– Лучше отдай мне. – Сказал вдруг Красс, – Я сделаю из нее искусную танцовщицу и продам дорого, какому-нибудь претору из провинции.

– Леонид, отведи ее пока в подсобное помещение, пусть посидит там. И возвращайся, да не забудь запереть дверь, чтобы не сбежала.

– Слушаюсь мой господин! – ответил верзила, широкоплечий и высокий личный телохранитель Суллы. Он подошел к бассейну и подал руку рабыне, униженно рыдающей стоя вводе. Она сунула ему свою узкую ладонь, и Леонид быстро извлек девушку на край бассейна.

– О, Леонид! – вымолвила она, с легким акцентом. Ее гладкая смуглая кожа блестела от воды, и она слегка дрожала от холода. Леонид подобрал ее одежду и укутал туникой,

которую поднял, что лежала на краю бассейна.

– Пойдем, моя любовь. – Сказал ей негромко, почти в самое ухо, чтобы не услышал Сулла. Он первым вышел из зала, открыв дверь, и пропустил вперед рабыню. Когда они вышли, Леонид сказал: – Мартисия, я давно люблю тебя и хочу выкупить тебя из рабства. Мы смогли бы тогда пожениться и жить, как свободные граждане Рима.

– Так, что тебе мешает это сделать? – иронично спросила гречанка.

– Теперь уже ничто. И это я сделаю в самое ближайшее время. Красс согласится на выкуп, он ценит меня, помня мои заслуги в войне, когда я был его личным телохранителем.

– О, Леонид, Ты меня так любишь, может не стоит так, иногда мне кажется, что я не достойна тебя.

– Ты знаешь, Мартиция, любовь это такое чувство, которое случается раз в жизни и приходит, ну как снег на голову, неожиданно и внезапно, когда любовь не ждешь и не ведешь, что она появится. Вот так произошло со мной. Я тебя люблю и никому тебя не отдам. Мне осталось еще немного собрать денег, и выкуп будет наш. А пока поживешь у Красса, он очень бережно относится к рабам, обучает их разным искусствам.

Они подошли к комнате, указанной Суллой.

– Вот тут ты будешь некоторое время, – говорил Леонид, – затем слуги отведут тебя в покои Красса, в его дом.

Леонид, оставив Мартицию одну, запер дверь, и вскоре

вернулся в зал с бассейном, заняв место у своего господина.

Когда Леонид удалился, бережно прикрыв, туникой рабыню, Красс сказал:

– Корнелий, я пошлю своего Антония, он приведет Принцессу.

– А имя у нее есть?

– Ее зовут Афродита.

– Имя богини, хороший знак, Марк. Ну, приводи. – В черных пронизательных глазах Суллы промелькнули живые огоньки любопытства, и он не преминул добавить: – И для верности, пусть берет с собой Леонида. Время не спокойное, на улицах полно пьяных солдат.

– Антоний! – я вздрогнул от неожиданности. – Подойди ко мне! – Красс посмотрел в мою сторону и подозвал к себе...

С тех пор, когда я помогал отцу в море ловить рыбу, прошло довольно много времени. Из-за бедности и нищенского существования я решился, когда стал взрослее, и удрал в школу гладиаторов Лентула Бониата, что в Капуе. Отец нашел меня там, но его прогнала стража, и дальнейшей судьбы его мне неизвестна. Нищета и бедность были хорошим стимулом для изучения приемов боя, а хорошая еда, прибавляла силы. Через полгода, мне дали напарника Леонида, с которым нам предстояло драться в смертельном поединке. В этот день умер богатый и знатный патриций, по случаю его смерти сенат решил устроить смертельные бои. Отобра-

ли шесть пар и привезли в Рим. Нас поместили в помещение с решеткой, сквозь которую падал дневной свет. На ногах металлические кандалы, натерли до крови ссадины, каждое движение обжигало, как огнем щиколотку правой ноги. Арена цирка, где должны проходить бои, располагалась в Колизее. Мы слышали за стенками рык львов и острый звериный запах хищников. Леонид смотрел на меня, то дружески, то со злыми искорками в глазах. Мы готовились сразиться с ним в смертельном бою. Но, каково было мое разочарование, когда я узнал, что мы будем драться со львами. Два голодных льва и мы вдвоем вышли на арену. У Леонида был щит и короткий меч, голова не прикрыта. У меня копье, щит и на голове шлем с кольчугой, укрывающий шею.

– Эй, ты, малыш! – Леонид обратился ко мне, таким уничижительным тоном в голосе, хоть мы были равны ростом и мускулы рельефно облевали наши тела.

– Ты, меня зовешь, недоразвитый телом? – Леонид не ожидал такого обращения, и его хохот наполнил арену весельем. Это понравилось публике, раздались аплодисменты и зал, заполненный до отказа, разделился на две половины болельщиков. Кто склонялся болеть за Леонида, кто за меня. Такая завязка перед началом боя добавляла зрительского азарта предстоящему поединку.

– Нас выпустили на львов. – Сказал Леонид, – Будем помогать друг другу, и боги придут нам на помощь. – Чуть слышно вымолвил он. – А сейчас становимся спиной друг к

другу, так легче отражать атаку зверя.

Но на арене появилось два тигра и два льва. Четверо хищников, вкусивших человеческих останков, против двух людей. Тигры заняли позиции у барьера цирка, а львы начали ходить вокруг нас, подступая все ближе и ближе, издавая устрашающий рык. Мы поворачивались следом, не сводя глаз с хищников. Вот лев приблизился ко мне и лапой отбил копье, которое я нацелил на него. У меня возникло желание метнуть в него копьем, но инстинкт самосохранения, подсказывал, что этого не следует делать. Вдруг неожиданно, раздался крик Леонида:

– Берегись! – в этот момент второй лев, что был ближе к Леониду, сделал неожиданный прыжок и я, скорее механически, чем осознанно, выставив свое копье, пригнулся к песчаному покрытию арены. Туша льва прижала мою спину к арене. Боли я не чувствовал, только, что-то теплое и липкое стало растекаться по моей спине. С трудом сбросив со спины судорожно дергающуюся в предсмертных муках тушу зверя, я понял, что мое копье пронзило львиное сердце. Запах крови возбудил зверей. Тигры бросились на убитого льва и стали его разрывать на части. Второй лев, продолжал двигаться кругами, но нападать не решался. Тигры, разорвав тушу льва, каждый с куском части туши разбежались в разные стороны и стали с жадностью насыщаться.

Недовольные зрители стучали о каменные сидения бронзовой посудой, требовали зрелища.

Вскоре появились рабы загонщики. Загнав зверей в загон, а нас с Леонидом отправили на отдых. Продолжилось представление гладиаторских боев. На арену выпустили три пары сражающихся.

В этот раз нам с Леонидом повезло. Мы остались живы. Когда мы проходили в свое помещение я увидел одного господина в богато расшитой тунике, он, что-то говорил, Лентуле Бониану, жестикулируя для убедительности.

В помещении с решетками на окнах, нас ждали амфоры с водой и тазы, для омовения. Две рабыни поливали нам на руки с амфор, мы помылись и переоделись в туники, затем нам принесли еду. Насытившись, мы стали дожидаться дальнейших распоряжений. В этот раз нам не надели кандалы на ноги, и это предвещало нам то, что нас готовили для поединка. Неожиданно в дверях появился владелец школы гладиаторов сам Лентула.

– Антоний, и ты Леонид, на выход! – сказав это, Лантула повернулся спиной к нам, и мы последовали за ним. В просторной и светлой комнате для гостей нас подждал господин в богатой одежде. Лентула, вошел первым и обращаясь к богатому римлянину сказал:

– Вот, они ваши. Забирайте их.

Так мы попали в дом Марка Лициния Красса, богатейшего римлянина в то время. Мы стали его личными телохранителями. Красс использовал нас для обучения купленных им рабов боевым искусствам, затем, чтобы продать, как можно

дороже. Вскоре Леонид приглянулся Луцию Корнелию Сулле, и Красс подарил Сулле Леонида. Так Леонид стал личным телохранителем Суллы...

Глава третья

Мы с Леонидом, прихватив с собой два бочонка с вином, пустились в путь к дому Красса, что виднелся вдалеке на возвышенной местности, как бы приподнятый над обыденностью древнего Рима, над его затхлыми улочками, вымощенными тесаными рабами камнем и стекающими по ним вылитыми из окон жилищ помоями с нечистотами вперемешку. Сейчас эти улочки были заставлены столами с яствами, которые менялись рабами, подносящими на блюдах все новые и новые окорока, жареную и вареную рыбу, с грибами и с рисом. Вина разных сортов разливались в чаши, которые осушались пьяными солдатами, требовавшими все новых яств, женщин и оравших на всех наречиях свои песни. Некоторые, потерявшие от выпитого вина здравый рассудок, кидались на своих товарищей с короткими мечами, не осознавая, что они не на поле битвы. И тут же падали в беспамятстве, чтобы забыться мертвецким сном, под столом, на камне улицы или на траве парка у дома Красса. Передвигаться по пьяному разгулу солдат было не безопасно, не безопасно для обычных людей, но не для бывших гладиаторов, как мы с Леонидом. И это скоро сказалось на подходе к дому Красса. Там шла, какая-то возня. Огромного роста солдат держал в обеих руках по одному, мертвецки пьяному человеку, тряс их в воздухе и орал страшным голосом, как в бреду:

– Я буду совершать казнь! Это шпионы, из вражеского лагеря! Я узнал его! – с этими словами он поднес к глазам того, кого держал в левой руке. Затем другого солдата, которого держал в правой. Снова затряс ими в воздухе и понес этих двух несчастных к огромному котлу, где варились куски бычьего мяса.

– Его надо остановить! – вдруг заговорил Леонид. С этими словами он бросился к великану. И, когда приблизился к нему, я вдруг заметил, что Леонид не такой уж и высокий, доходил верзиле до плеча. Он громко что-то крикнул импровизированному палачу, и тот мгновенно выронил солдат на землю, выхватил из-за своего пояса тяжелую палицу и, размахивая ею, бросился на Леонида. Опытный гладиатор схватил у раба, что стоял у котла, бронзовую мешалку, довольно длинную, для размешивания варева, и поддев ею подставку, на которой стоял котел, выбил под днищем. Масса горячего бульона с варившимися в котле кусками бычьего мяса, обрушилась под ноги великану, обжигая обутые в сандалии ноги. От адской боли, верзила свалился на землю, дико заорал и стал кататься по земле, проклиная, на чем свет стоит, Леонида.

Пьяные солдаты, что жаждали зрелищ, и плелись следом за верзилкой, стали быстро приближаться к нам. Леонид и я бросились к ступенькам лестницы, что вела на террасу дома Красса. Путь нам преградили охранники из десяти человек. Их короткие мечи угрожающе сверкали в руках, отсвечивая

блики факелов, освещавших лестницу. Это были опытные бойцы, которых Красс отбирал в школах гладиаторов по всей Римской территории, куда продавал обученных бойцовскому ремеслу рабов.

– Кто вы и откуда? – спросил начальник караула. Леонид узнал в нем, своего бывшего напарника по школе Лентула Бониата в Капуе.

– Это ты, Олимпий?

– Ну, я, Леонид! Ты, что, думаешь, я вас не узнал?!

– Мы по приказу Красса, пришли за Принцессой. Отведем ее к Сулле.

– А, чем вы докажете, что вы от Суллы и по приказу Красса? – спросил Олимпий, обводя тревожным взглядом своих подчиненных солдат. При этом все десять солдат медленно выстроились в боевую шеренгу для отражения пришедших за Принцессой.

В это время толпа пьяных солдат, которых становилось все больше и больше, издали наблюдали за разворачивающимся спектаклем, что сулило им увидеть бой опытных гладиаторов, здесь дерущихся на смерть.

– Смотри сюда, Олимпий! – громким голосом, чтобы были слышны слова Леонида всему караулу и даже пьяной толпе, – Здесь на бочонках с вином стоит клеймо, что это вино из погребов Суллы. Как ты думаешь, мы бы смогли проникнуть туда?!

Олимпий выхватил ближайший факел, воткнутый непо-

далеку в каменный остов лестницы, и посветил им днище. Убедившись, что Леонид сказал правду, воткнул свой меч в ножны и уже дружелюбным голосом сказал:

– Хорошо, можете оставить вино нам, а сами пройти к евноху распорядителю. Вон он, стоит там у двери, дожидается вашего прихода. Нам Красс, перед тем, как уехать на пир к Сулле дал соответствующие указания. И сказал, чтобы мы внимательно отнеслись к приходу за Принцессой, что наверняка могут быть подставные люди, чтобы похитить столь дорогое сокровище, а затем перепродать. Принцесса очень красивая и обладает многими искусствами, к тому же она девственница.

Я почувствовал, при этих словах начальника стражи, что у меня приподнялись брови от удивления. Я почувствовал, что здесь кроется какой-то подвох, и не мог поверить в чудо нетронутой девственницы, доставленной на невольничий рынок, что процветал на острове Сицилия, где купцы Красса скупали рабов. При этом мое сердце вдруг неожиданно вздрогнуло и замерло на секунду. Я снова удивился этому, чего никогда не происходило со мной. Из моих размышлений вернул к действительности громогласный голос Леонида:

– Но, ты сам понимаешь, Олимпий, что без сопровождения стражи нам не добраться до дворца Суллы среди всеобщего разгула пьяных, вооруженных до зубов солдат?

– Мы будем сопровождать вас, на это есть приказ Красса.

Поднимайтесь наверх. Ехнус подготовит Афродиту и распорядится рабам носильщикам, чтобы собрать все необходимое для транспорта Принцессы...

Глава четвертая

Олимпий с подчиненной ему охраной остался у лестницы сторожить вход на верхние этажи дома Красса, где были расположены покои, отведенные для Принцессы. Мы с Леонидом, оставив вино для его охранников, поднялись на террасу, где ждал нас евнух Ехнус. Он поклонился нам и правой рукой сделал медленный жест, предлагая войти в покои Принцессы. Мы вошли в освещенное светильниками помещение, устланное коврами с занавесками на окнах. Посреди помещения стояла огромная кровать с четырех сторон по периметру располагались светильники, на длинных мраморных подставках освеща тусклыми отблесками горевшего пламени пространство комнаты. От светильников комната наполнялась благовониями, от которых легко дышалось, и было приятно вдыхать ароматы, наполнявшие атмосферу вокруг. Приготовление Принцессы для передвижения во дворец Суллы подходило к концу. Остались некоторые небольшие мелочи, что не успели доделать рабыни по уходу, приставлены Крассом к ней. Принцесса сидела у огромного зеркала спиной к нам. Вокруг нее суетились красивые молодые рабыни, искусно подобранные Крассом. Все были одинакового роста и возраста, стройные и быстрые в движениях, что придавало их работе точность в действиях. Вот одна девушка, что пробежала мимо меня с подносом, с каким-то порош-

ком на нем, стала посыпать волосы Афродиты этим порошком, отливающим фиолетовым оттенком, и укладывать их в виде башни, в свете светильников, придающим с золотистым оттенком волосам Принцессы, сверкающие огоньками волнистые пряди волос в искусных пальцах рабыни.

Мы с Леонидом стояли у двери, терпеливо дожидаясь окончания сборов. Наконец Ехнус хлопнул два раза в ладоши. Рабыни прекратили работы, поклонились евнуху и бесшумно выскользнули из помещения. В дверях появился старший носильщик, он тихо, что-то сказал Ехнусу на ухо, тот кивнул в знак согласия, и раб так же бесшумно вышел.

Сердце мое непрестанно стучало в груди, от какого-то предчувствия, чего-то необычного, что должно произойти именно в эти минуты. Я не знал, что творится со мной и только чувствовал, что этот миг настанет вдруг здесь и именно здесь. Мое волнение нарастало с каждым мгновением времени. На арене цирка, где мы с Леонидом не раз смотрели смерти в глаза, такого ощущения не было со мной никогда. Прост холодный и рассудительный поток хладнокровия вливался в меня в эти моменты схватки с противником, который помогал мне победить, придавая силы и энергии. Здесь же все было по-другому. Наконец Принцесса поднялась со своего места и медленно подошла к нам. В сумрачном свете светильников, я не сразу смог разглядеть ее лица, но вот она приблизилась ближе к мерцающему свету, блики света пали на нее, на ее открытый лоб, волосы, брови, ресницы и гла-

за. Я посмотрел в ее ясные чистые небесного цвета глаза. В них светился целый мир и непередаваемый миг счастья. Мне хотелось смотреть и смотреть в эти бездонные глаза, искрящиеся небесным сиянием, утонуть в них забыть реальность, время и все, что было вокруг. Девушка замерла, не отводя глаз от моего лица, смотрела прямо в мои глаза. Мы стояли друг перед другом, не смея, пошевелится и двинуться с места. Мы смотрели друг другу в глаза, не отрываясь, и только когда Леонид толкнул меня в бок, я очнулся от этого колдовства ее близости. В это время Леонид сказал, обращаясь ко мне:

– Ехнус просил нас подождать тут, пока рабы поднесут к выходу переносной шатер для Принцессы.

Но я не слушал его, я стал рассматривать ее наряд.

Волосы, посыпаны фиолетовым порошком, по обычаю дев тех времен, были уложены на подобии башни, и от этого она казалась выше ростом. Сплетённые нити жемчуга были прикреплены к ее вискам и спускались к углам рта, к розовой складке губ, как распускающийся бутон розы. На груди сверкало множество камней, пестрых, разноцветных, отражающих тусклый мерцающий свет от светильников. Руки, покрытые драгоценными камнями, были обнажены до плеч. Туника расшита красными цветами по черному фону. Щиколотки соединены золотой цепочкой, чтобы походка была ровной, и широкий плащ темного пурпурового цвета, скроенный из неведомой ткани, тянулся следом, образуя при

каждом ее шаге, как бы широкую волну.

Взгляд мой скользнул вновь к ее огромным глазам, чистых, как утреннее небо, сверкающее утренней чистотой. Она смотрела, прямо в мои глаза, не отрываясь. Я не смог выдержать ее взгляда и стал рассматривать ее ресницы. Их длинные лепестки нежно обмахивали лилии глаз. Брови такие же черные, как лепестки ресниц, длинными дугами обнимают глаза. Как совершенна природа, что сумела создать ее, как совершенно ее лицо. Как восхитителен ее тонкий профиль, линия носа заканчивается розовым бантом губ. Их росчерк открывает ровное жемчужное ожерелье зубов, виднеющихся с чуть приоткрытых губ. Принцесса вдруг улыбнулась мне, нежной приветливой улыбкой, глаза вспыхнули небесным сиянием полным любви, зажигаясь мириадами искрящихся лучиков-частичек, брошенных и забытых там солнцем.

Голова моя вдруг закружилась, в бешеном ритме застучало сердце. Я не мог совладать собой, чтобы не бросится к ней, обнять расцеловать, забыть, где я и что со мной произошло бы в эти мгновения близости.

Леонид неожиданно пришел мне на помощь, спасая от необдуманного шага, возвращая к действительности.

– Антоний, нам пора. Носильщики ждут внизу у ворот. Ведем Принцессу.

Евнух, пожелал идти с нами в сопровождающей свите к дворцу Суллы. Леонид, прикрикнул на него, громогласным

ГОЛОСОМ:

– Не велено!

Тучное тело евнуха, колыхалось следом за нами, спускаясь ступенями лестницы, ведущей к воротам, где ждал переносной шатер с двенадцатью рабами носильщиками и Олимпий со своими солдатами, готовыми на все ради безопасности Принцессы Афродиты...

Глава пятая

Освещая путь факелами, которые рабы несли, спускаясь ступенями вместе с нами по лестнице. Треск горящих факелов, и пламя отсвечивалось бликами в шлемах стражников Олимпия, что поджидали нас у ворот, готовы пуститься в путь ночными улицами Рима во дворец Суллы.

Я бережно вел за руку Принцессу, ощущая холодное прикосновение ее ладони. От этого прикосновения сердце мое стучало в грудной клетке, как молот о наковальню в руках кузнеца, кующего меч из восточной Дамасской, стали, который рубит мечи врагов, не оставляя на своей отточенной поверхности лезвия даже царапины.

От близости Принцессы, от аромата ее волос и ее дыхания, мне становилось все труднее совладать с собой, чтобы не схватить ее на руки и не бросится прочь, сметая преграды на пути к нашему с ней счастью. Но реальность этого времени и тех событий, что не зависимы от нас, ввергали в те рамки и законы, по которым существовал этот мир в эти времена.

– Афродита ступайте осторожно по выдвижной лесенке переносного шатра. – Говорил ей на прощание Ехнус. На что Принцесса отвечала: – Да знаю я. Вот со мною в шатре будет Антоний для надежной охраны. Не беспокойтесь.

Услышав свое имя из ее прекрасных уст, мое сердце вновь

стало стучать, как стук пращи о ворота осажденной крепости при штурме. Я бережно подвел ее к шатру. Она отодвинула занавеску и вошла внутрь. Заняв место на скамейке, позвала меня жестом, указывая на сидение, напротив. Я быстро вскочил в кабинку шатра. Шторка задвинулась, стало темно внутри, только слабый свет, исходивший от факелов, пробивался сквозь шторы сюда к нам. Принцесса неожиданно прильнула к моим губам и жадно стала целовать меня, причитая, как обезумевшая от любви голубка:

– Люблю, люблю! – задыхаясь от восторженной страсти, повторяла она.

Я нежно целовал ее прекрасные глаза, руки, шею, брови и волосы, источающие божественный аромат. У меня кружилась голова, от внезапно нахлынувшего блаженства. Я не ощущал ни пространства, ни времени, я не видел, что разорвалась нить, скрепляющая жемчужины, что были прикрепленные к волосам у висков, и усыпали пол кабинки шатра, а прическа, так тщательно уложенная рабыней, рассыпалась по плечам, обнажая ее прекрасный шелк золотистых волос. В этом сумрачном пространстве кабинки шатра глаза Принцессы горели сказочным сиянием, отражая слабый проникающий сквозь шторы свет от факелов. Внезапно раздались крики и команда Олимпия:

– Занять позицию! К отражению!

Я немедленно высунул голову из шатра, отодвинув шторку рукой. Мгновенно, в мою ладонь впилося сто осиных

жал. Я взглянул на пробитую стрелой руку, пригвожденную к дереву шатра. Быстро сломал стрелу и выдернул ладонь. Принцесса, сорвав клочок ткани из туники, перевязала рану. Вокруг переносного шатра шел бой. Неожиданно появился неизвестно, откуда, великан. Его огромные ноги были забинтованы тряпками, последствие ожога бульоном из разлитого котла. Он вдруг увидел Леонида. И бросился с криком к нему:

– Ты думал, уйдешь от Ваала?! Я Ваал, назван так в честь непобедимого моего бога, который не прощает и всегда настигает своих врагов! – сказав это, он вдруг схватился обеими руками за горло. Там торчала стрела, выпущенная невидимым лучником. Великан, хрипя в предсмертных судорогах, опустился на колени, затем упал ниц. Тело его судорожно билось еще немного в предсмертных судорогах, затем затихло. Пьяная ватага нападавших солдат, увидели неподвижного ватажка подбившего их напасть на кортеж самого Марка Лициния Красса, быстро разбежалась. У стражи потерь не было. Было убито трое нападавших солдат и великан Ваал. Кортеж двинулся дальше. Разорванные жемчужные ожерелья и туника, получили свое объяснение, которое дал Олимпий Луцию Крассу. А, Красс, в свою очередь, поблагодарил меня за проявленную отвагу, при защите Принцессы...

Глава шестая

Луций Корнелий Сулла был в этот воскресный день не в хорошем расположении духа. Вот уже две недели к ряду, как появилась новая наложница, так рекламированная Лицинием Крассом и за которую он отвалил изрядную сумму золотых денариев в крупных монетах ауреусах не давалась ему в постельных утехах. И все было в том, что Принцесса была девственницей. В свои пятьдесят шесть лет Сулла не находил в себе тех сил, присущих молодости, что в пылкой страсти могли сделать девушке то, что не в силах этот могущественный диктатор Рима, перед которым трепетала вся Римская знать. Растерянный Сулла в это воскресное утро, подозвал к себе Леонида:

– Я слушаю вас, повелитель! – отчеканил телохранитель, приблизившись к Луцию.

– Иди к Крассу и скажи, чтобы отпустил на одни сутки своего Антония ко мне. У меня к нему есть одно неотложное дело.

Леонид не стал вдаваться в подробности, а быстро ответил:

- Да, я готов выполнить ваше поручение, повелитель!
- Отправляйся немедленно. Возьми лошадь из моих конюшен, и чтобы быстро вернулся с Антонием.

Леонид уже направился к дверям, как Сулла окликнул

его: – Возьми две лошади, одну себе, другую для Антония.

– Слушаюсь!

Леонид стремительно вышел из дома Суллы по направлению конюшен. А, Луций Корнелий в глубоком раздумье вернулся в свои покои, где в постели мирно дремала Афродита. Услышав, что Сулла вернулся, она подняла голову, опершись на руку, спросила:

– Вы, пришли снова ко мне?

– Нет. – Коротко ответил Луций, – Я пришел сказать вам, Принцесса, что вынужден поручить исполнить мою роль одному из телохранителей Красса. – Сказав это, Сулла испытывающее уставился своими пронизательными глазами на Афродиту. Девушка и бровью не повела, хоть и поняла, о чем идет речь.

– "Какие же они все не настоящие. Ни один мускул не дрогнул на лице. Где же чувства, где любовь, где привязанность?" – сентиментальные мысли роились в голове диктатора, не сводящего своего пристального взгляда от прекрасных сапфировых глаз Принцессы. Ее золотистые волосы распустились на подушках, как в эти мгновения она была прекрасна, настоящая богиня Афродита, нет Афродита, появиись она здесь, завидовала бы этой божественной красоте и захотела бы стать смертной в эти мгновения, чтобы обладать таким совершенным лицом и глазами с небесным сиянием в них. А Принцессу мучил один единственный вопрос, спросить или не спросить, кто будет от Красса? За кем поехал Леонид? Но

догадки подсказывали Принцессе, что будет Антоний. Она это предчувствовала и старалась изо всех сил оставаться равнодушной, чтобы не выдать своей беспредельной радости и трепетного ожидания скорой встречи с ним...

Леонид вскоре прибыл во дворец со мной. Нас встретил Сулла, мрачнее тучи.

– Оставь нас! – приказал Леониду.

– Слушаюсь! – отчеканил тот и вышел.

– Мне нужна твоя помощь. – Сулла испытующим взглядом уставился на меня.

– Я слушаю вас, Луций Корнелий?

– То, о чем я тебя попрошу, ты должен хранить так далеко в своей памяти, что лучше после того, что ты сделаешь, тебе забыть и не вспоминать даже под пытками. Я вознагражу тебя так, что ты сможешь завести свой дом и жить как свободный гражданин Рима, купить на эти деньги рабов и вести торговлю. Ты согласен выполнить мою просьбу?

– О, Цезарь, я не знаю какая роль мне уготована, но, чтобы вы не попросили я с радостью, выполню, не сомневайтесь в этом.

– Тогда слушай...– Сулла изложил в подробностях все, что требовалось от меня. Я был вне себя от радости. И еле сдерживал прилив эмоций, что не осталось незамеченным.

– О, да я вижу, юношеский румянец на твоём лице. Это говорит о том, что будет все в порядке, и ты меня не подведешь?

– О, да конечно! – все, что я смог сказать в эти мгновения диктатору.

– Тогда иди, помойся хорошо в бассейне, затем рабы тебя намастят благовониями, и ты приступишь к выполнению своего задания.

Я вышел в указанную дверь, где ждали меня рабы банщики, которые приступили к процедурам омовения.

А в это время Леонид, как личный телохранитель Суллы мог беспрепятственно передвигаться по дому диктатора стал наблюдать за Суллой из-за колонны, что были по периметру дворца, опоясывая внутренний двор, где располагался сад и розарий. Сулла часто тут принимал гостей и давал тайные распоряжения своим агентам, которые доносили ему состояние дел в Сенате и следили за тем или иным сенатором. В этот миг, когда диктатор вышел к розарию, к нему подошел раб, выполнявший самую грязную работу по устранению мешавших Сулле чиновников. Обрывки речи доносились до слуха, из которых Леонид понял, что вырваться мне из покоев Афродиты живым, не запланировано Суллой. Что если я останусь жив, боязнь потерять репутацию в глазах Сената и своих приверженцев во влиятельных кругах Рима на лицо, что негативно скажется на его реформах. Устранив меня, получит право на жизнь мысль; – "Нет человека, нет проблем" ...

Я с наслаждением упивался скорой близостью с дорогим мне человеком. Воображение рисовало различные картины

нашей любви, от которых захватывало дух, и сердце стучало так, как будто я лишний, а сердце само хочет бежать в стремлении к Принцессе. Неожиданно в бассейне появился Леонид. Он в двух словах рассказал о моей участи после совершения акта с Принцессой.

– Я предлагаю нам бежать. – Сказал Леонид. – Я с Мартисей, ты с Афродитой. Мы захватим пиратский фрегат и двинемся на Сицилию. Сицилия не подчиняется Риму. Там невольничий рынок, который устраивает и пиратов, и Рим. И там, на Сицилии, имея деньги, мы станем никому не нужны. Многие рабы гладиаторы спаслись там от верной смерти, что ходила за ними по пятам каждый день здесь на арене цирка. – И Леонид изложил свой план побега...

Глава седьмая

Принцесса не находила себе места, ожидая встречи с Антонием. Она даже бралась нанизывать рассыпанный, еще там, в переносном шатре, жемчуг с ожерелья на нить. Но руки непроизвольно дрожали, и вставить бронзовую иглу в отверстие жемчужины ей давалось с трудом. Она металась по спальню комнате, ходила вокруг огромной постели, перестилала постель. Рабыни, следившие за спальню комнатой, старались угождать хозяйке, но она приказала им уйти и не появляться до тех пор, пока не позовет. Слезы из прекрасных ее глаз струились сами по себе. Эти слезы близкого счастья изливались из глаз и приятно орошали щеки. Она ощущала их щекочущий прилив у себя на щеках и вдруг поняла, что радость плачет по-своему, и это очень приятное, как оказалось, явление.

Трепетное чувство ожидания вселяло в нее силы и уверенность в то, что должно произойти нечто очень важное в ее жизни. Внезапно дверь комнаты отворилась, и на пороге появился ее любимый человек, коим был в эти мгновения я. Мы не сказали друг другу ни слова. Она, моя Принцесса, бросилась ко мне в объятия, слезы счастья обливали ее щеки, капали мне на грудь. Афродита целовала меня и трепетала в моих объятиях, как раненная лань. Ее тело содрогалось от моих ласк, и сладострастные стоны любви вырывались из

ее уст, как она была прекрасна в эти мгновения, как бесконечно желанна и любима мною. Когда первый приступ любовных ласк прошел, и мы обнаружили, что лежим на ковре возле огромной постели. Я хотел ей рассказать, что ждало меня за дверью. Но Принцесса, моя Любовь, прикрыла мой рот своей ладонью, как бы говорила мне этим:

– "Молчи! Молчи! Рано еще, говорить!" – и мы снова слились, в неистовой нахлынувшей страсти двух измученных ожиданием большой и страстной Любви существ, которые в эти минуты не знают, что такое время, кто они и где и, что нет ни пространства, ни времени ничего, кроме двух слившихся во едино душ. Так продолжалось довольно долго. И только глубокой ночью, когда Афродита блаженно растянулась на постели, я осмелился сказать:

– Принцесса я тебя люблю больше своей жизни. Больше всех богатств на земле, какие только бывают. Ты мое создание на века.

– Я тоже! Я тоже тебя люблю, безмерно, бесконечно и нет ничего на свете прекрасней этого чувства, что ты даришь мне, мне одной. На века я твоя с тобой моя Любовь!

– Я хочу закрепить нашу Любовь клятвой, чтобы наша с тобой Любовь спасала нас от невзгод, от лишений. Оберегала нас от опасностей и была всегда с нами вечно. – При этом я взял нож, что лежал забытый на подносе с фруктами и сделал надрез у себя на левой руке возле самой ладони. Капельки крови выступили и засияли рубиновым блеском на запястье,

точно такой же надрез я сделал и Принцессе. Мы приложили ранами наши руки, и я произнес:

– Клянусь на века быть всегда с тобой моя Любовь, вечно! Не покидать тебя, чтобы не произошло со мной!

Принцесса повторила мои слова, и вдруг я ощутил огромное блаженство и уверенность от этих слов, я понял, что моя Принцесса всегда будет рядом со мной и останется моей, чтобы не случилось в мире и за его пределами. И тогда я рассказал, что уготовил мне диктатор Сулла и как мы можем отсюда скрыться, куда бежать, и, что нас поджидают в условленном месте Леонид с Мартисией. А пройти мы можем беспрепятственно, так как Леонид предупредил стражу, подчиняющуюся ему, как личному телохранителю Суллы, что пара Антоний с Принцессой, спустится ночью подышать свежим воздухом в розарий сада.

Когда мы с Афродитой вышли из спальной комнаты, стоявший у двери стражник покосился на нас. В свете бликов от пламени факела, его лицо, то освещалось, то меркло, и он казался не человеком в эти мгновения, а каким-то чудом возникшим неоткуда привидением. При виде его Принцесса вздрогнула, испугавшись, и прижалась ко мне, дрожа от чудесного ощущения свободы и счастья рядом со мной. Мы медленно спустились ступенями лестницы в сад. У колонны я заметил укутанную в плащ тень. Эта тень скользнула в свете луны на видное место и рукой подала условный знак. Мы прошли туда. Леонид, не громко поздоровавшись,

сказал, чтобы мы двигались следом. Он шел быстрой походкой к розарию. Запахи цветения роз пахли непередаваемыми ароматами, вселяя в нас с Принцессой силы, однако мы еле успевали за стремительным шагом Леонида. Он быстро продвигался к центру сада, где была разбита клумба из кустов роз. Обойдя ее, он вдруг остановился и схватил один, легким движением поднял куст, открывая подземный ход.

– Лезьте за мной! – с этими словами, Леонид спустился вниз в тускло освещаемое факелом подземелье.

Я последовал за Леонидом. И когда очутился на каменном полу просторного хода, принял на руки Принцессу. Леонид сказал, что надо закрыть вход, чтобы преследователи не сразу обнаружили наше исчезновение и не смогли нас выследить. Для этого он влез на мои плечи, протиснулся наружу и установил куст роз на место, закрыв вход. Мартисия уже была здесь, и мы все вместе, освещая путь светом факела, двинулись подземным ходом в неизвестность.

Этот подземный ход был обнаружен случайно рабом, разбивавшим клумбу розария. Раб доложил о находке начальнику телохранителей Красса, которым уже был назначен Леонид. И под страхом смерти, Леонид приказал рабу никому не говорить об этой опасной находке. Так появилась возможность тайно и безопасно уйти из дома Красса, в случае опасности.

Подземный ход вывел нас к набережной Тибра, где качались мачты судов, и множество шлюпок, пришвартованных

к причалу. Когда мы выбрались на поверхность, Леонид сказал, что нам надо добраться до Неаполя, это огромный морской порт и там мы сможем найти корабль, отплывающий на Сицилию. В зарослях оливковой рощи нас поджидали подготовленные лошади с доверенным стражником Грегорайосом, которого долгое время знал Леонид. Три лошади были угнаны им ночью из конюшен Суллы, оседланы Грегорайосом и были снаряжены, в любой момент могли пуститься в путь. Леонид готовил этот побег уже давно. Для этого им был создан в заброшенной полуразвалившейся постройке тайник, что виднелась в оливковой роще, куда он перенес седла и сбрую для лошадей. Туда же и в назначенное время был доставлен им бочонок полный золотых ауреусов. Он нашел это золото в сокровищнице под домом Суллы, куда имел доступ с диктатором и однажды, был послан Суллой за золотом. Этого случая было достаточно, чтобы увести бочонок с золотыми ауреусами. На эти деньги можно было снарядить целый легион римских солдат. Усадив Принцессу на лошадь рядом с собой, я двинулся следом за Леонидом с Мартисией. Наш путь лежал в направлении Неаполя...

Глава восьмая

Перед нами расстился мрак, в котором, казалось, скрывались какие-то громады, подобные волнам окаменелого черного океана.

Полоса света уже поднялась с востока. Слева, совсем рядом, в свете бледной зари, вырисовывались конические крыши храмов, террасы, укрепления набережной Тибра, а над водой серой дымкой точно застыло облако тумана в утренней прохладе. По мере того, как свет проникал с высот небесной лазури, стали проступать высокие дома, теснившиеся на склонах холмистой местности, утопающих еще в черноте садов.

Мы двигались в южном направлении. Дорога виднелась все отчетливее по мере восхода солнца. Навстречу нам попадались навьюченные повозки с овощами выращенными местными крестьянами, бочками с вином, и с разной кладью, в сторону Рима. Грохот колес от этих телег все чаще встряхивал рассвет. Возницы, увидев конных, приостанавливались, в почтительных поклонах провожая важных римских воинов в красных плащах и в боевых доспехах, за которых принимали нас.

Предместье Рима нам нужно было покинуть как можно скорее, чтобы уйти от преследования. И мы спешно двигались все дальше и дальше, уменьшая путь в 200 миль от Ри-

ма к Неаполю. Этот путь всадник мог преодолеть за шесть, максимум за восемь часов, если скакать налегке и без привала. Мы не знали, что за нами на почтительном расстоянии скачет всадник в белом плаще на черном скакуне арабских кровей, с колчеданом стрел за спиной и боевым луком. Наш привал решили сделать после того, как выйдем к заливу Гаэта, что на полпути от Рима до Неаполя...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.